Столетие кончины великого русского критика, публициста и религиозного философа Василия Розанова (1856-1919) прошло у нас совершенно незамеченным. А ведь он был в России рубежа XIX-XX веков одним из влиятельных властителей дум.

Семейное окружение (у Василия было шесть братьев и сестер), влияние и поддержка старшего брата, талантливого педагога, блестящее классическое образование сыграли в становлении личности и формировании мировоззрения будущего философа и публициста определяющую роль. Юношеский нигилизм Василия Розанова, которым переболела едва ли не вся тогдашняя молодежь, оказался скоротечным. Он не стал ангажированным партийным агитатором и более всего в жизни ценил личную свободу, что, однако, не мешало ему оставаться и добрым семьянином, и истинно русским человеком.

Василий Розанов прилежно учится, вбирая в себя все богатство русской и мировой культуры. Когда не стало отца, Розановы перебрались в губернский город Кострому. Там Василий поступил в классическую гимназию. Но уже через год поменял ее на Симбирскую, а с четвертого класса — на Нижегородскую, куда старший брат Николай Васильевич годом ранее был переведен преподавать историю.

Нижегородский период нашел отражение как в архивных документах, так и в переписке и воспоминаниях Розанова, едва ли не первым написал об этом периоде современный писатель Виктор Сукач, опубликовавший биографию Розанова в журнале «Москва». Отчасти на его исследование мы и обопремся при воссоздании ткани раннего периода жизни писателя-земляка.

Василий Васильевич Розанов родился в семье чиновника лесного ведомства в уездном городке Ветлуге, входившей тогда в Костромскую губернию. В метрической книге Воскресенской церкви г. Ветлуги за 1856 год в части 1-й о родившихся есть запись под № 56, которая гласит: апреля 20-го родился Василий, крещен 22-го числа. Родители его: Ветлужского окружного начальника помощник, коллежский секретарь Василий Федорович Розанов и законная жена его Надежда Ивановна, оба православного вероисповедания. Таинство крещения совершал священник Андрей Яснов.

Из кондуитной книги учеников Нижегородской губернской городской гимназии 1872-1873 гг.: «Розанов Василий. Перешел в Нижегородскую гимназию из Симбирской в 1872 г., в августе. Живет с братом в гимназии и находится в самых выгодных для получения отличного воспитания и образования условиях. Поведение отличное».

Много лет спустя он писал С. В. Пускову: «Да, если эта квартира, в которой вы живете, есть от выхода с Варварки первая направо по нижнему коридору (серия квартир), — то это моего покойного брата. А самая первая

комнатка, без окна или с далеко от двери стоящим окном, — это и есть та, где мы прожили с младшим братом Сергеем от 1874 по 1878 год. Какое время, воспоминания, сколько с тех пор пережито!».

Брат Николай, на иждивении которого находились Василий и Сережа, был женат на пансионерке Нижегородского института благородных девиц Александре Степановне Троицкой, дочери учителя. Брат заменил мальчикам отца, а его жена, милая и кроткая женщина, — мать.

«С братом, — вспоминал Василий, — я ссорился... Он был умеренный, ценил Н.Я. Данилевского и Каткова, уважал государство, любил свою нацию. Я же был «нигилист» во всех отношениях».

Из воспоминаний: «Учился я в то время плоховато, запоем читая и скучая гимназией. Гимназия была отвратительная, «толстовская». Директор К.И. Садоков, умница... Город Нижний, с его огромным, богатым и, естественно, самолюбивым купечеством, с его многочисленным дворянством, выбрал его городским головою».

Юноша восторгался Боклем, а вот Минина и Пожарского вначале не чтил, потому что, по его признанию, они не сочинили книги, подобной «Истории цивилизации в Англии». Ощущения тех лет отразились потом в книге «Опавшие листья»: «Поэтому «как не взять бомбу; как не примкнуть к партии «ниспровержения существующего строя».

Нижнему посвящено немало в розановских статьях и мемуарах.

«Вот и красавец Нижний! Я посетил его. Как он переменился, помолодел, покрасивел с 1878 года, когда я его хорошо знал. Теперь там действует фуникулер, почему-то называемый здесь «элеватором»; вагончики на зубчатом рельсе, подымающие почти вертикально вверх. Это заменяет прежний медленный и трудный подъем на гору, на которой расположен город. Над гимназией те же две стрелки, к четырем концам которых прикреплены инициалы сторон горизонта: «С. Ю. В. З.». Я помню, что учеником этой гимназии читал роман г. Боборыкина «В путь-дорогу» и, по словам автора, учившегося здесь, его товарищи в ту пору переводили эти буквы «юношей велено сечь зело».

«Много лет назад, проводя ученические годы свои в Нижнем, я почти ежедневно бывал на знаменитой местной ярмарке. Какой же мальчик, юноша — не патриот, пусть даже и с «красным оттенком»; и вот меня, всегда желающего, чтобы русский человек везде стоял на первом месте, чтобы ему отдана была первая, лучшая работа, поражало еще в те отроческие годы, до чего вся сильная работа, как и всякая ответственная служба в этом водовороте труда и денег, проходит мимо русских рук».

«В Нижегородской гимназии (где я учился) и особенно в Нижегородском дворянском институте, в середине 70-х годов, степень зачитанности Писаревым была так велика, что ученики даже в характере разговоров и манере взаимного грубовато-циничного обращения пытались подражать его писаниям». Вместе с тем, «о Пушкине даже не вспоминали», предпочитая обличителя Некрасова (Щедрина читали люди постарше).

Для Василия Розанова писатели-нигилисты были только вехой в умственном развитии. С какого-то момента и Писарев, и Добролюбов показались скучными и неинтересными. «Под влиянием более серьезного чтения, — признавался писатель в письме В.Ф. Баудеру, — я теперь вполне понял многие заблуждения наших нигилистов, атеистов, реалистов и проч.». Одним из его открытий стал Достоевский.

В Нижнем к Розанову пришли и первая любовь (к Юлии Каменской), и неожиданная весть о том, что он стал по-настоящему взрослым — 31 декабря 1876 года ему, ученику 7-го класса гимназии, выдали свидетельство о приписке к призывному участку. Документ подписал глава нижегородского уездного по воинской повинности присутствия полковник Дерюгин.

Окончание гимназии было отмечено пирушкой. «Мы, — вспоминал позднее Василий Васильевич, — человек 9 окончивших Нижегородскую гимназию, тоже купили рублей на 10 вин и закусок (а все были беднота) и, отправившись в лесок, на берегу Оки, во-первых, выпили это вино, съели закуски, а во-вторых, и главным образом сожгли почти все учебники».

В 1878 году Розанов стал студентом Императорского Московского университета, где, между прочим, слушал лекции В.Р. Ключевского и С.М.

Соловьева. Именно первый из титанов русской историографии заложил, как считается, основу алмазного розановского стиля, доведенного со временем до совершенства. Были у него и другие наставники из числа великих. Например, Н.Н. Страхов. А в еще большей мере — Ф.М. Достоевский. Познания и интересы автора «Уединенного» были поистине универсальны. С одинаковым блеском и проникновением в предмет он писал на темы философии, богословия, литературы.

По окончании Императорского Московского университета Розанов 13 лет преподает словесность в гимназиях Брянска, Ельца, Белого. Там и вступает в литературу, активно печатаясь в «Русском вестнике», «Московских ведомостях», «Русском обозрении». Нигилизм и атеизм Розанов преодолел еще в университете. Позднее он напишет: Он (Бог) занял всего меня, оставив мысль свободною в отношении других тем.

Поселившись уже знаменитым писателем в Петербурге, он служит в государственном контроле, а с 1899 г. становится ведущим сотрудником «Нового времени», крупнейшей русской газеты, издававшейся А.С. Сувориным. Из-под пера выходят «Сумерки просвещения», «В мире неясного и нерешенного», «Семейный вопрос в России» (опередивший Фрейда), «Уединенное», «Опавшие листья», «Сахарна», «Мимолетное». Розанов на острие общественной жизни, живо, следуя традиции Леонтьева и Достоевского, откликается на смуту 1905 года, убийство Столыпина, дело о ритуальном убийстве Андрюши Ющинского, вместе со страной переживает патриотический подъем 1914 года.

Социалисты и либералы его не жаловали, подвергая в прессе постоянной травле, после «дела Бейлиса» Мережковский и Гиппиус добились даже исключения Розанова из религиозно-философского общества — за, как бы сейчас сказали, «нетолерантность».

О революции в «Опавших листьях» есть такие слова: «Зашли не в тот переулок» и никакого «дома не нашли», «вертайся назад». В статье «Не надо давать амнистии эмигрантам», словно предвидя ленинские пломбированные вагоны, Василий Васильевич заявил во всеуслышание: «Не надо «погрома» звать и в Россию: ибо «революция» есть «погром» России, а эмигранты — «погромщики» всего русского, русского воспитания, русской семьи, русских детей, русских сел и городов, как все господь устроил и Господь благословил».

О грядущей революционной катастрофе он выразился так: «Революция есть ненавидение. Только оно и везде оно». И уже по горячим следам свершившейся катастрофы: «Кому-то понадобилось распрячь русские сани, и кто-то устремил коня на ямщика, с криком — «затопчи его», ямщика на лошадь, со словами «захлещи ее», и поставил в сарай сани, сделав невозможным «езду».

Предчувствуя беду, в августе 1917-го он переехал в Сергиев Посад к другу Павлу Флоренскому. В уединении, с дамокловым мечом ареста и расправы над головой, писал свою последнюю книгу «Апокалипсис нашего времени». Там, у негасимой лампады преподобного Сергия, и скончался от тревоги и голода 23 января ст. ст. 1919 года. Похоронили великого мыслителя и тонкого художника слова в Черниговском скиту рядом с могилой Константина Леонтьева. Возможно, тихая смерть за стенами иноческой обители уберегла великого писателя от жестокой участи, которая постигла многих его современников от Меньшикова до Гумилева, не вписавшихся в новый порядок, воцарившийся в России после октябрьского переворота и не пожелавших (или не успевших) бежать от террора и духовной несвободы на чужбину.

В советскую эпоху наследие Розанова было упрятано под спуд. И лишь с наступлением гласности стало возвращаться из вынужденного забвения. Появились публикации в периодике, вышли первые сборники избранного, а затем и полное собрание сочинений выдающегося русского мыслителя.

В 2006 году на фасаде Нижегородского педагогического (ныне Мининского) университета появилась мраморная доска с надписью: «Здесь, в бывшем здании губернской мужской гимназии, с 1872 по 1878 год учился великий русский писатель, критик, публицист, философ Василий Васильевич Розанов».